

Ольга
Юнзязова

Сквозь лабиринт времён

Охота
на ведьм

Ольга Юнязова
Охота на ведьм
Серия «Сквозь лабиринт
времен», книга 4

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2770775

АСТ, Астрель;

ISBN 978-5-17-068368-0, 978-5-271-29348-1, 978-5-226-02720-8

Аннотация

Счастливым конец – это всегда начало новой истории. Вместе с героями вы погрузитесь в глубины подсознания, посмотрите на жизнь глазами ведьмы, политического заключённого или святого старца. Вместе с ними пройдёте через предательство, зависть и и смертельный ужас, чтобы понять: все пути ведут только вперёд.

Содержание

Конец	4
Возвращение	14
Паучья сеть	18
Дом с привидениями	25
Что реально?	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ольга Юнзяова

Охота на ведьм

Конец

Александр сидел на пороге своего домика и вырезал ложку из куска полена. Получалось на удивление симпатично. На конце черенка он пытался изобразить медвежонка, обхватившего лапами ствол дерева.

За этим занятием его и застала Рая.

– Уф! – вздохнула она, усевшись рядом и слегка сдвинув его. – Слава Богу, все разъехались, в доме прибрала, можно и передохнуть. А ты чего делаешь?

Александр показал ей работу.

– Ого! – удивилась Рая. – Долго учился?

– Да вообще не учился, – пожал плечами Александр. – Когда к празднику кораблики делали, почувствовал, что нравится мне это, вот и решил сделать что-нибудь посерьёзнее.

– Так у тебя талант! – восхитилась Рая.

– А как же! – согласился Александр. – Конечно, талант. Я же нашёл цветок папоротника.

Рая несколько секунд молчала, переваривая услышанное и размышляя, то ли это шутка, то ли метафора.

– В каком смысле «нашёл»? – спросила она наконец.

– В прямом, – кивнул Александр. – Настоящий цветок, с лепестками и тычинками, и горит голубым огнём.

– Ну ты сказочник! – засмеялась Рая, толкнув его локтем.

Александр пожал плечами:

– Да я и не рассчитывал, что ты поверишь. Сам до сих пор в шоке.

– Что, правда? Вот прямо настоящий цветок, и горел, как в сказке?

– Именно! И даже обжигал.

– Так может, подстроил кто?

Александр вздохнул, опустил нож и будущую ложку.

– Это единственное объяснение, – согласился он. – Вот только осталось понять, кто и как это сделал.

– Так... Давай поразмышляем! – оживилась Рая. – Где ты его видел?

– Поразмышляем... – усмехнулся Александр. – Поразмышлять не сложно. Но зачем? Ведь, если я пойму, кто и как, чудо-то исчезнет. Понимаешь? – и он снова принялся скоблить ножом кусок дерева.

– Понимаю. Ещё как понимаю, – Рая вздохнула.

– А ты-то чего вздыхаешь? – усмехнулся Александр.

– Да... – махнула она рукой. – Вспомнила это состояние, когда разум борется с неистовым желанием поверить в чудо. Представляешь, в одном маленьком городе, в старой церкви, замироточил образ Богородицы на старинной иконе.

– Замироточил? – переспросил Александр.

– Ну, да. Это когда икона как бы плакать начинает. Из нарисованных глаз льются настоящие слёзы! Представляешь?

– Настоящие?

– Ну, не совсем настоящие, конечно. Мирю льётся – масло такое ароматное, которым в церквях людям лбы мажут. Ещё выражение есть: «одним миром мазаны».

– И что?

– Так вот. Я как услышала об этом, сразу собралась и поехала в этот городок. Приехала, а там очередь чуть не от самой электрички стоит, чтобы чудесным миром помазаться.

Александр беззвучно рассмеялся:

– И сколько времени ты там стояла?

– Да ты что! – всплеснула руками Рая. – Там народ палатки на газонах разбил, своей очереди дожидаясь. Я села на ближайшую электричку и домой уехала.

– А сразу-то предположить не могла, что там столпотворение будет?

– Думала, я одна такая, – усмехнулась Рая. – Очень уж хотелось к чуду прикоснуться.

– Ты что, вправду веришь, что там на самом деле без всякого человеческого вмешательства на иконе масло появлялось?

– Да ты что! – возмутилась Рая. – Там, прежде чем объявить о чуде, целый консилиум епископов собирался, чтобы всё проверить.

– И что? – засмеялся Александр. – Может, они сами и под-

строили.

Рая махнула рукой:

– Фома неверующий!

– Ну и Фома, – согласился Александр. – А эти епископы, которые там собирались, чтобы убедиться, что миро само течёт... чем их действия отличались от действий Фомы?

– Нууу... – Рая задумалась.

– И почему им положено проверять, а нам просто верить?

Рая вздохнула:

– Ладно! Давай уже рассказывай, где цветок-то видел!

– В лесу. Где же ещё? В самой чаше, в тёмную купальскую ночь, как и положено.

– А как ты там оказался?

– Оксанка завела, – Александр закусил губу, сдерживая смущённую улыбку.

– Оксанка? – В голосе Раи зазвучали нотки ревности. – Эта полуобморочная девица, что ли?

– Судя по твоей интонации, она тебе не понравилась.

– Ну... что значит, не понравилась? – пожала плечами Рая. – Девушка как девушка. Но чтобы вот так вот хватать парня и тащить его в лес... хм. Сразу ясно, что она и подстроила всё.

– Ясно, да не ясно, – пробормотал Александр. – Ты сама посуди: ночь, луны нет. В лесу тьма, хоть глаз выколи. Как, по-твоему, она смогла бы найти место, где всё подготовила? Во-вторых, как она цветок подожгла, если всё время находи-

лась рядом со мной? А он вспыхнул в нескольких метрах от нас. И в-третьих, цветы не горят. Я пробовал. Так что, мне легче поверить в чудо, чем понять, как это можно было подстроить.

– Наивный! – усмехнулась Рая. – Хочешь, я тебе всё очень просто объясню?

– Не хочу. Но всё равно объясни.

– Зачем же, если не хочешь? – удивилась Рая.

– Затем... Раз у тебя есть объяснение, это всё равно уже не чудо.

– Ну, вот! Ещё один ребёнок по моей вине перестал верить в Деда Мороза.

– В цветок папоротника.

– Ну, это почти одно и то же.

– Ты от темы не уходи!

– Ладно... – Рая виновато посмотрела на Александра. – Тебе мама в детстве банки ставила от кашля?

– Бывало, – кивнул Александр.

– Помнишь, она на вилку наматывала вату, мочила её спиртом и поджигала.

– Не помню таких тонкостей.

– А я помню, потому что сама неоднократно это делала. Так вот: пока весь спирт не сгорит, вата остаётся белёхонькой и может гореть несколько минут. Если намочить в спирту тряпичный цветок, каких у Галины в мастерской пруд пруди...

– М-м-м! – застонал Александр и, закрыв глаза, упёрся затылком в стену дома.

– ... думаю, он как раз несколько секунд будет гореть, пока не начнёт обугливаться, – закончила свою разоблачительную речь Рая. – Если хочешь, можем провести эксперимент.

– Ну, а как она нашла в темноте поляну?

– Ещё проще. Берёшь верёвочку, привязываешь к дереву и протягиваешь её к выходу из леса. Потом одной рукой за верёвочку держишься...

– А как подожгла?

– Вот тут... не знаю. Без помощника не обойтись. Скорее всего, Галина в засаде сидела.

– Не сходится. Галина вместе со всем своим семейством хороводы водила, когда мы с поляны уходили.

– Да мало ли кто мог там сидеть... – пожала плечами Рая. – Но ты не расстраивайся! Само по себе то, что они такое организовали, уже чудо. Я бы ни за что не придумала такой розыгрыш.

– Вот именно. Было чудо, остался розыгрыш, – вздохнул Александр. – Спасибо, Раечка, развеяла мои детские иллюзии. Пора взрослеть.

– Кстати, по поводу «взрослеть», – Рая немного замялась. – Разговор у меня к тебе есть серьёзный.

Александр с опаской покосился на соседку:

– Что за разговор?

– Я, конечно, понимаю, двадцать первый век и всё такое,

но пришла я к тебе по старинной русской традиции дочку свою сватать, – и она замерла, ожидая реакции.

Несколько длинных секунд Александр удивлённо хлопал своими чёрными загнутыми ресницами. Потом спросил:

– Рай, ты не перепутала? По традиции, вроде, женихи сватов к невестам посылали.

– Так я ж и говорю! – развела руками Рая. – На дворе двадцать первый век! Пора менять традиции. А если серьёзно: Сань! Ну, неужели ты не замечаешь, что девчонка уже извелась вся? Она тебе и так намекнёт, и этак... Что ты за истукан такой? Чем она тебе не хороша?

– Да ты что, Раечка! Красавица у тебя Анютка! – опешил Александр. – Но я ж её лет на пятнадцать старше!

– Ну, скажем, не на пятнадцать, а всего-то на каких-то двенадцать. Подумаешь! – Рая встала. – Раз уж ты намёков не понимаешь, скажу открытым текстом: нравишься ты ей очень, и я ничего не имею против, чтобы ты за ней поухаживал. Понятно?

Александр почесал затылок и тоже встал:

– Рай, ты извини, но... я с Оксанкой уже... как бы это сказать...

– Что, переспал?!

– Да нет! Ну, ты скажешь! – возмутился Александр.

– А что тогда?

– Ну, обручился, что ли? – Александр пожал плечами. – Как это называется, когда люди договариваются, что будут

вместе?

– Надо же! – Рая возмущённо всплеснула руками. – Надо же, какая быстрая! Вот ведь хитрая, а! Хлоп в обморок и на тебе, пожалуйста. А потом хватает парня и в лес! Ну, почему так, а? – Она села обратно на ступеньку, продолжая возмущаться. – Скромная девушка потихоньку действует, намёками, аккуратненько. А тут приезжает красotka из города и уводит парня из под носа!

Александр присел перед расстроенной Раей на корточки:

– Ну что ты! Какая она красotka?

– Так и я говорю, что Нюрка моя красивее. Что ты нашёл в этой бледной выскочке?

Александр пожал плечами. Как объяснить, что он нашёл в Оксане?

– Рай, не обижайся! – улыбнулся он. – Ну не пара я твоей Анечке.

– Не пара, так не пара, – вздохнула Рая. – Насильно мил не будешь. Только и Оксанка твоя тоже тебе не пара.

– Так я знаю...

– Что знаешь? – удивилась Рая. – Что она тебе не пара?

Александр кивнул.

– Что-то я не поняла. А если знаешь, то как же вы обручились?

– Как-то так.

– Может, ещё можно отменить?

– Да, можно, конечно! – усмехнулся Александр и встал. –

Только не хочется. По крайней мере мне.

– Ой, Саня! – Рая тоже встала и пошла к калитке. – Вляпался ты опять в историю. Ну да ладно. Посмотрим, чем всё это кончится. Но, – она развернулась и погрозила Александру пальцем, – наш разговор должен остаться между нами. Анюта о моей затее ничего не знает, поэтому продолжай вести себя как раньше. Хорошо?

– Конечно, Раечка. Но ты уж постарайся её как-то отвлечь от меня. Извини, что так получилось. Я не хотел.

– Ничего! – улыбнулась Рая. – В этом возрасте без несчастной любви не бывает. Переживёт.

Проводив соседку, Александр замер возле калитки, глядя то ли куда-то вдаль, то ли вглубь себя.

Деревня мирно дремала, лёжа между огромным полем и неторопливой рекой. Пчёлы собирали нектар, дачницы – ягоды. Это рай для уставшей души. Здесь ничего не хочется менять.

Александр вспомнил образ Оксаны, и сердце его сжалось. Она не вписывалась в пейзаж, она была здесь инородным телом. Её следы, оставленные в дорожной пыли, вызывали у пространства аллергию. Деревня просыпалась и начинала чесаться, пытаясь избавиться от раздражающей гостьи.

Александр встряхнул головой. Представится же такое!

Он вздохнул и достал из кармана связку ключей. Сегодня они с Оксаной собирались вместе сходить и посмотреть дом, который, как оказалось, тоже достался Александру в наслед-

ство от деда. Но все планы поломал Алексей, внезапно за-
явившись утром в деревню.

Он разбудил Оксану, рассказал ей о каких-то проблемах, после чего она быстро собралась и, даже не позавтракав, попрощалась с гостеприимными хозяевами.

– Я приеду в пятницу вечером, – пообещала она, забираясь в салон «мерседеса».

Александр кивнул и улыбнулся.

Всё это напоминало конец фильма: уходящая вдаль дорога, отъезжающий автомобиль и клубы пыли из-под колёс. Сейчас должны пойти титры: автор сценария, режиссёр, роли исполняли...

Александр попытался отогнать печальные предчувствия и направился к заброшенному дому.

Возвращение

Вцепившись в подлокотник, Оксана нервно следила за дорогой. Она не любила скорость, но приходилось терпеть – спешили на важную встречу.

Несмотря на то что по документам Алексей был теперь директором фирмы, не все деловые партнеры приняли его. В бизнесе многое держится на доверии и личных связях. Кое-кто принял в штыки бывшего шофёра, отчего некоторые дела застопорились.

То ли от усталости, то ли от мелькающих за окном деревьев у Оксаны закружилась голова, стало трудно дышать. Она нажала кнопку, и стекло опустилось, впустив в салон шумный поток воздуха.

– Что, жарко? – прокричал Алексей. – Сказала бы, я бы кондиционер включил.

Оксана помотала головой и, откинувшись на подголовник, устремила взгляд в неподвижное небо. В своём естественном обличии оно было светло-голубым, а не ярко-синим. Все цвета побледнели: зелёное перестало быть изумрудным, красное – рубиновым.

«Странно», – подумала Оксана и закрыла окно. Мир снова обрёл необычную красочность. Казалось бы, должно быть наоборот.

Задумавшись, она нашла логичное объяснение: тониро-

ванное стекло отражает большую часть света. Поэтому и получается, что цвета более контрастные, а от этого кажутся более яркими. Всё просто.

Вот и в эмоциональной жизни так же. С детства всех обучают, «что такое хорошо и что такое плохо», а полутонам не придают никакого значения. Но стоит внимательно приглядеться к любому состоянию, сняв свои светозащитные очки, начинаешь понимать, что в каждом «плохо» есть множество оттенков «хорошо» и наоборот.

Сейчас Оксана испытывала богатейшую палитру чувств, вызванных внезапным отъездом. Сожаление от необходимости покинуть деревню смешалось с радостью от скорого возвращения в привычный городской комфорт. Приятное ощущение собственной незаменимости подёрнуто пеленой скуки и усталости от надоевших дел.

Но все эти эмоции выцветают, когда мысли возвращаются к Александру. Воспоминания о смущённых взглядах и робких прикосновениях растекаются тёплыми волнами между рёбер и переходят в саднящую боль от предчувствия, что это может закончиться так же внезапно, как началось.

Оксана встряхнула головой, отгоняя назойливую пессимистическую мыслишку: «Ну, в самом деле! Почему это вдруг должно закончиться?»

«А почему это заканчивалось во всех предыдущих случаях?» – Оксана покосилась на Алексея. Всё-таки она так и не простила его за то, что он увлёкся Танькой из параллельного

класса.

А в случае с Александром всё ещё сложнее. Они живут в очень разных мирах. Александр не желает возвращаться в город. И правильно! Чем он будет там заниматься? Станет «экстрасенсом» и растворится в толпе шарлатанов, рекламирующих себя в бесплатных газетах? Или наймётся охранником в какой-нибудь ювелирный магазин, чтобы целыми днями тупо сидеть и сторожить безделушки? Или займётся «бизнесом»? Оксана поморщилась. Городской Александр представился ей срезанным цветком, медленно увядающим в хрустальной вазе.

Нет. Как бы он ей ни нравился, она даже не подумает предложить ему вернуться в город. Но и сама жить в деревне она не хочет, даже если построить очень комфортабельный дом. Пожалуй, она с удовольствием приезжала бы туда, как на дачу, но жить...

Оксана представила себя в резиновых сапогах, фуфайке и с лопатой в руках. Её аж передёрнуло. А в туфлях-лодочках ходить по деревенским дорогам, аккуратно, чтобы не наступить в коровью лепёшку... да и куда ходить? По соседкам, обсудить свежую сплетню?

И что может быть между ними при таком раскладе? Жена на выходные? Или подруга по переписке?

Оксана грустно усмехнулась, вспомнив, какими глазами смотрели на Александра молодые дачницы. Особенно Анята, дочь Раи. Эта девушка просто создана для деревни.

А то, что в Александра она по уши влюблена, видно даже невооруженным глазом.

Оксана вздохнула.

– Что ты там вздыхаешь? – возмутился Алексей. – Рассказывай уже!

– Что рассказывать? – повернулась к нему Оксана.

– Ну... – Алексей пожал плечами. – Как отдохнула?

Оксана задумалась. Каждое событие прошедшей недели было настолько значимым для неё, что она жадно, как ребёнок новые игрушки, оберегает их от посягательств любопытных глаз. И вроде хочется похвастаться, но страшно: а вдруг отберут, сломают, или, что ещё хуже, раскритикуют и опозлят.

Совсем не хотелось ничего рассказывать, не видя глаз собеседника.

– Давай сегодня вечером, – предложила Оксана, – сходим куда-нибудь поужинать и поговорим.

Алексей кивнул.

Оксана закрыла глаза и притворилась, что спит.

Паучья сеть

Этот дом построил один из богатых пациентов деда Ефима. Когда он вылечился и уехал из деревни, то подарил дом знахарю. А вскоре разбился в автокатастрофе. Но старику не нужен был этот подарок. С тех пор дом так и стоит, постепенно разрушаясь.

Участок обнесён высоким кирпичным забором. Прочные железные ворота хмуро встретили Александра огромным навесным замком. Он улыбнулся, удивляясь их наивности: любой деревенский пацан, при желании, легко перемахнёт через эту крепостную стену.

Немного повозившись с заржавевшим железом, Александр вошёл во двор. Несмотря на солнечное летнее утро, во дворе царил какой-то сумрак. Александр осмотрелся, пытаюсь понять, что создает этот удручающий эффект.

Площадка перед домом выложена мрамором, но многие плитки вывернуты кустами чертополоха. Сквозь стыки и трещины лезет крапива. Огород зарос огромными зонтами борщевика и прочей колючей зеленью.

Высокое крыльцо тоже не выглядит слишком приветливым: между колоннами растянулась огромная паутина, в которой безжизненно висят останки мотыльков и мух. Один пёстрый слепень ещё трепыхается, пытаюсь вырваться, но к нему уже неторопливо приближается коричневый крестоно-

сец.

С детства Александр испытывал мистический ужас перед этими тварями. Конечно, он не визжал как девчонка от одного их вида, понимая, что для человека они безвредны, но всё равно при виде пауков тело напрягалось, как при встрече с врагом, зубы сжимались, и по коже бежали неприятные мурашки.

Он быстро отвёл взгляд от крыльца в поисках какой-нибудь палки. Подобрал с земли сухую ветку, Александр уже занёс было её над препятствием, но неожиданно сердце бешено заколотилось, а рука безвольно опустилась вниз.

Казалось бы, что может быть проще, чем разрушить паутину? Но что-то же сработало в глубине подсознания, приказав мышцам отменить необдуманное действие! Что это? Александр подошёл и, преодолевая брезгливость, заставил себя посмотреть на членистоногое. Паук замер, словно почувствовав взгляд.

Сконцентрировав внимание на своих ощущениях, Александр пришёл к выводу, что его остановил обычный страх. Ему показалось, что, разрушив паучью сеть, он обязательно навлечёт на себя месть её владельца.

«Что за ерунда? – засмеялся про себя Александр. – Как паучок может отомстить человеку?»

И вдруг вспомнился голос Оксаны:

– ...Я просто не подвергала критике те образы, которые сами собой всплывали из памяти. Я их не сортировала на

то, что помню, и то, что придумываю. Я как бы приняла за аксиому: всё, что приходит в голову в момент пребывания в состоянии погружения в проблему, так или иначе имеет к ней отношение.

Александр ещё раз сконцентрировался на своём страхе. И вдруг жуткая картинка из детства всплыла в памяти.

Однажды, когда они с ребятами ходили за грибами, он не заметил растянутую между деревьями паутину и вляпался в липкую трескучую западню. Это было ужасно! До самого вечера он отряхивал с лица щекочущие лоскуты. И ещё несколько дней потом казалось, что по голове ползает оставшийся бездомным паук. До сих пор это воспоминание вызывает у него брезгливую дрожь.

Кто-то из друзей тогда и научил его ходить по лесу с палкой и проверять безопасность пути. Сбив две-три паутины, Саня почувствовал угрызения совести. Сначала с ними можно было мириться, но с каждой «победой над природой» они усиливались и вскоре превзошли даже тот ужас, который он испытал, попавшись в белёсую сеть. Остановившись перед очередной «растяжкой», он долго рассматривал хитросплетение блестящих нитей, восхищаясь ювелирной работой. Но кажется, дело было даже не в красоте произведения. Ему было стыдно, что ради своего секундного удобства он уничтожает результат многодневного труда, который для паука является и смыслом жизни, и средством к существованию.

Было стыдно... но перед кем? Все мальчишки, не задумы-

ваясь, сметали на своём пути эти невидимые препятствия. И только ему было нестерпимо жаль ткачей-тружеников, несмотря на то что они вызывали у него брезгливый страх.

Тогда он так и не успел разобраться с этим противоречивым чувством. Сзади подошёл кто-то из ребят и вывел его из задумчивости, с треском собрав на палку лучистую спираль паутины.

– Ты чего тут уснул? – возмутился он. – Мы тебя потеряли! Кричим, кричим, а ты тут паука гипнотизируешь! Или он тебя? – насмешливо предположил «спаситель».

Саня не рискнул поделиться с товарищем своими душевными метаниями, более того, испугался, что его заподозрят в сочувствии к восьминогим тварям. И, маскируя свою «душевную слабость», больше от самого себя, чем от товарищей, он взял палку и с удвоенным рвением начал разорять крестоносцев, стараясь игнорировать боль, которой отзывался в душе беспомощный треск рвущихся лесных нервов.

Эта боль оживила ещё одно воспоминание, от которого сдавило горло и выступили слёзы. Александр закрыл глаза, и колени его подкосились. Он вспомнил, как подорвался на mine его боевой товарищ. И некогда было даже оправиться от того кошмара, что внезапно предстал перед взором. Он взвалил на плечо оторванную ногу, чтобы хоть что-то отправить на родину. Остальное пришлось оставить на съедение стервятникам.

«Как ты мог её не заметить? Ну, как ты мог?» – повторял

он, обращаясь к погибшему другу.

Боль в груди усилилась. Александр знал, что усыпить эти страшные воспоминания можно только водкой. Но неужели нет другого способа? Утерев слёзы, он поднял глаза вверх, где посреди сверкающей паутины шевелился её хозяин.

– Теперь ты понял, как я могу отомстить? – спросил паук.

И внезапное осознание пронзило душу. Александр не успел ничего ответить, снова оказавшись в детстве, рядом с дрожащей паутиной. Подошедший сзади мальчишка уже занёс над ней свою палку, но Санька успел ловким движением остановить этот «карающий меч».

– Ты чего? – удивился Юрка (кажется, так его звали).

– Не рви, – спокойно и уверенно сказал Саня.

– Не понял! – возмутился Юрка.

– Я тоже раньше не понимал.

– Что? – Юрка уже готов был начать издеваться и хихикать, но увидев, что это не внесёт в душу товарища ни малейшего смятения, сменил тон. – И что ты понял? – спросил он уже серьёзно.

– Всё в жизни взаимосвязано. И эта связь в тебе. Никакое действие не проходит бесследно, всё имеет свои последствия.

– Ты чего? – криво улыбнулся Юрка и повертел пальцем у виска.

– Ну, как тебе объяснить? – занервничал Саня. – Вот, например, паутина.

– Ну, паутина! – кивнул Юрик. – Здесь таких миллион. И что?

– Смотри: в какую бы её часть ни попала муха, паук чувствует её дрожь, где бы ни находился. Паутина – это нервная система вот этого маленького паука. Понимаешь?

– Нет.

– Вселенная – это огромная паутина, и ты в ней паучок. Каждая бессмысленно разорванная нить – это разрушение своей паутины, своей нервной системы. Понимаешь?

– Нет! – Юрка начал злиться.

– Хорошо, я скажу проще. Если ты сейчас не научишься замечать паутины и обходить их, то в будущем ты можешь не заметить более серьёзную опасность, например минную растяжку, или сеть какой-нибудь финансовой пирамиды, или... да мало ли может быть всяких «паутин» в жизни?!

– А-а-а! – Юрка осмысленно захлопал глазами. – Что ж ты сразу-то не сказал? Вселенную какую-то выдумал...

– Я не выдумал, я понял.

– А мне с растяжкой понятнее, – серьёзно кивнул Юрка. – Не буду больше паутины рушить, – и он бросил палку. – Пойдём, другим парням расскажем...

Вспышка.

Ослепительная вспышка перенесла Александра из детства в военные годы. Но на этот раз это был не взрыв, это было палящее солнце. Они возвращались с задания вдвоём с товарищем. Глаза автоматически находили растяжки, а руки

спокойно, умелыми движениями обезвреживали их. На плече у Александра уже не было той чудовищной ноши, которую он, как оказалось, до сих пор нёс на себе.

– Но как? Ведь это же было! – Александр вскинул удивлённый взор на блестящую седину мудрой паутины.

– Было? – улыбнулся паук. – А что такое «было»?

Дом с привидениями

Через перила, чтобы не мешать пауку, Александр забрался на крыльцо и повернул ключ в замке. Со скрипом открылась тяжёлая дверь, и из дома пахнуло мраком.

Александр вошёл внутрь и осмотрелся. Пыльные стёкла пропускали достаточно света, чтобы увидеть, насколько безнадёжно это строение. По стенам разбегаются мелкие трещины, а одна крупная просвечивает насквозь. Плинтуса покрыты плесенью, паркетный пол стонет под ногами, как больное привидение.

Комнаты поразили нелепым дизайном. Вспомнились слова Галины: «Манифестация бестолковой роскоши». Ощущалось, что дом строился наспех, без размышлений о гармонии, уюте, вечности. Здесь применялись самые новые и самые дорогие технологии, но от этого вопиющая безвкусица интерьера только усиливалась.

Александр нашёл множество оставленных дорогих вещей: одежда в шкафу, музыкальный центр, телевизор, стиральная машина. Возникшая было мысль забрать что-нибудь полезное, например электрический чайник, была заглушена протестом души. Показалось, что это будет подобием расхищения гробницы.

Вошёл в ванную комнату, повертел бесполезные краны, ещё раз поразился бессмысленности капиталовложений.

Один зеркальный шкаф стоит, наверное больше, чем весь его домик.

Дед говорил, что у каждого зеркала есть своё Зазеркалье, где живут все, кто когда-либо в нём отражался. Поэтому нельзя смотреться в чужие зеркала, если не уверен, что их хозяин точно не желает тебе зла. А иначе останешься вместе с ним в его Зазеркалье.

– А если я уже смотрелся в сотню зеркал, когда был в гостях у друзей? – спросил Саня. – А потом я с ними поссорился, что же мне теперь делать? Как забрать своё отражение из их Зазеркалий?

– А никак! – ответил дед. – Теперь один выход – помириться с ними.

Тогда Санька отнёсся к этим словам, как к одной из дедовых сказок про домовых да леших, но сейчас он отчётливо ощутил рядом с собой тень бывшего хозяина дома. Захотелось выскочить и бежать отсюда.

Но Александр приказал мышцам расслабиться. Бегство не входило в его планы, тем более что в Зазеркалье он всё равно уже оставил часть себя, и, если верить деду, с этим уже ничего нельзя сделать. Придётся как-то существовать вместе, значит, надо хотя бы познакомиться.

Александр вышел из ванной и сел посреди холла на горячий солнечный квадрат. Прямо на пол. Под яркими лучами он почувствовал себя в безопасности. Кристалл (или трёхмерный крест, как его назвала Оксана) выстроился автома-

тически. Осталось лишь проконтролировать ровность лучей и зажечь. Через пару минут он успокоился и восстановил в памяти образ того, кого увидел в «Зазеркалье».

– Привет, – улыбнулся он неприветливому хозяину.

В ответ почувствовал взгляд попавшего в капкан волка. Он отчаянно молит о помощи и в то же время рычит, не подпускает к себе и ненавидит. Александр машинально огляделся, пытаясь найти источник этого «взгляда». В одном из углов под потолком он заметил «глаз» видеокамеры.

Александр встал и подошёл поближе к зрачку охранного устройства. Конечно, система видеонаблюдения давно не работала, но оптика камер, расставленных по всему дому, продолжала фиксировать своими зеркальными линзами всё происходящее в доме.

– Что ты так злобно смотришь на меня? – спросил Александр, глядя в пристальное око. – Разве я в чём-то перед тобой виноват?

Задав вопрос, Александр замолчал, прислушиваясь. Подождав немного, он усмехнулся и покачал головой, удивляясь тому, что всерьёз ожидал ответа от пустого дома. Но ощущение злобного взгляда пропало.

– Ты сам завещал этот дом моему деду. Я пришёл, чтобы принять твой подарок, – голос Александра прозвучал торжественно, отражаясь от стен гулким эхом.

Показалось, что хозяин скупно улыбнулся.

Александр пошёл в сторону двери. Вдруг он остановился,

ощутив на спине ещё один робкий взгляд. Александр знал, что оглянувшись, никого не увидит, поэтому вышел из дома, закрыл за собой дверь и, спрыгнув с крыльца через перила, отправился к себе.

Уже сидя под своей яблоней, он начал расшифровывать «след», оставленный в душе тем вторым взглядом. Ему представилась невысокая полноватая женщина, которая боязливо выглядывает из комнаты. Её бесцветные волосы неряшливо заплетены в косу, уложенную вокруг головы.

– Ты кто? – осторожно спросил Александр.

Но она, увидев, что замечена, испуганно скрылась за дверью.

Что реально?

Чтобы закончить все дела и ответить на вопросы Алексея, Оксане снова пришлось погрузиться в суетную реальность бизнеса. После размеренного деревенского ритма, жизнь города представлялась ей гонкой, когда жизнь зависит от скорости реакции и исправности рулевого механизма. Здесь некогда размышлять, куда и зачем ты едешь, осознавать цель пути и выбирать направление движения. Здесь надо только вовремя вписываться в повороты уже накатанной дороги.

Оксана физически ощущала, как дрожат, перестраиваясь в городскую тональность, струны её нервов, и с сожалением созерцала, как исчезает в тумане памяти её деревенский роман. Скоро она начнёт воспринимать его как сон, как что-то нереальное, как интересную книгу, которая, к сожалению закончилась.

В голос вернулись командирские тона, движения стали по-прежнему чёткими, а взгляд холодным. Она снова начала чувствовать забытый запах предполагаемой прибыли и вкус делового азарта. И понимала, что не сможет вырваться из цепких лап бизнеса.

И только в минуты недолгих перерывов, стоя возле окна, она ощущала щемящее чувство разлуки. Она знала, что Александр ждёт её. Ждёт, зная, что она уже не вернётся. Она сожалела о своём предательстве, но оправдывала себя тем,

что обстоятельства сильнее неё. И чтобы отогнать навязчивую совесть, она резко встряхнула головой и... проснулась.

– Приехали, – весело сказал Алексей.

– Ты чего так резко тормозишь? – возмутилась Оксана, протирая глаза.

– Почему резко? Я всегда так торможу, – пожал плечами Алексей. – Просто ты никогда не спишь в машине. Ксюха, я тебя не узнаю!

Оксана сама удивилась, что уснула. Видимо, сказались ночные гуляния. Обычно она не могла расслабиться ни на секунду, потому что боялась ездить и была вынуждена постоянно контролировать действия шофёра.

Вечером, закончив дела, они с Алексеем поехали ужинать и разговаривать в маленький уютный ресторанчик, где все официанты и повара знали Оксану и умели вкусно готовить еду, на которую у неё не было аллергии. Там Оксана рассказала о своём удивительном открытии, которое она сделала в деревне.

– Представляешь! Оказывается, вернувшись в прошлое и перевспоминая его, можно изменить настоящее! Я пока не поняла до конца, как это объяснить, но уже точно знаю, что оно реально работает.

Алексей слушал со скептической улыбкой, но когда Оксана начала рассказывать, как она почти вплотную рассматривала проявление отцовских чувств кота к своему котёнку, удивлённо воскликнул:

– Хочешь сказать, никакого удушья и никаких ингаляторов при контакте с кошками?!

– Вот именно! – кивнула Оксана. – И при контакте с собаками, и при контакте с козами, и коровами, и даже лошадю.

– Не верю! – помотал головой Алексей.

– Я сама не верю! – шёпотом воскликнула Оксана и засмеялась. – Завтра с утра еду сдавать анализы. Заодно и Алёну с мамой проведу.

Вдруг Оксана задумалась о чём-то, а потом спросила:

– Лёх, а помнишь нашу Сову?

Алексей нахмурил лоб, не понимая, о чём речь.

– Какую Сову?

– Ну, нашу математичку.

– Раису Сергеевну?

– Да.

– Помню. А при чём здесь сова?

– Так у неё кличка была – «Сова».

– Да? – удивился Алексей. – Кличку не помню.

– А что ты про неё помнишь?

Алексей пожал плечами:

– Обычная учительница.

– А за что мы её всем классом травили?

– А мы её травили?! Что-то я такого тоже не помню.

– Ну, как же! – Оксана взмахнула руками. – Помнишь, замок ей сломали в классе?

Алексей помотал головой:

– Я, может, прогуливал в этот день?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.